

Елена ДОЛГОПЯТ

ВЕЩИЙ СОН

Сериал-феерия. Восемь серий. Синописис

22 февраля 2024 года знакомый продюсер предложил мне работу. Сценарий сериала о дрессировщице львов Ирине Николаевне Бугримовой (1910—2001). Я ничего о ней не знала. Прочитала заявку, которая у продюсера уже была. Заявка мне не понравилась. Скучно, беспомощно. Тоска. Так мне показалось. О чем я тут же продюсеру и сообщила. Он заверил меня, что я свободна писать, как мне угодно. Я решила попытаться. По моей просьбе продюсер достал воспоминания Бугримовой и воспоминания ее мужа Александра Николаевича Буслаева (1894—1976)¹. Эти воспоминания, статьи Бугримовой о цирке, интервью с ней, рассказы о цирке разных людей, сохранившиеся съемки номеров Бугримовой со львами, заметки о советском цирке разных лет, чудесный документальный фильм Алексея Габриловича «Цирк нашего детства» — вот мои источники.

В конце концов я придумала, как оно все будет в сериале. Придумала, о чем он будет.

Не могу сказать, что строго-настрого придерживалась фактов (поверьте, это невозможно). Мне очень хотелось, чтобы герои вышли живыми. Настоящими. Такими же настоящими, как их любимый цирк.

Я думаю, что мне удалось выстроить призрачный вымышленный мир, который рассказывает о мире из плоти и крови. О настоящем мире. (А иначе о нем и не расскажешь. По-моему.)

Синописис мой продюсер очень похвалил. Но не купил. Хотя и обещал, что непременно к моей (да, уже моей) истории вернется и осуществит.

Не думаю, что эта публикация повредит будущей экранизации. Если она состоится.

Синописис — странный жанр. Зародыш фильма. Тень. Намек. Осколки. Но вообразить по ним целое, как мне думается, можно.

Это сериал-феерия о двух людях, о мужчине и женщине. Они соратники, друзья, любовники, супруги, соперники. Сильные, красивые, азартные. Он старше ее на шестнадцать лет. Она родилась в 1910-м, он — в 1894-м в Миргороде, в тишайшем горо-

Елена Долгопят родилась в г. Муроме. Окончила Московский институт инженеров железнодорожного транспорта (специальность «Прикладная математика») и сценарный факультет ВГИКа. С 1994 года работает научным сотрудником рукописного отдела Музея кино в Москве. Автор шести книг. Публиковалась в ведущих литературных журналах («Знамя», «Дружба народов», «Новый мир»). В 2017 году книга «Родина» вошла в шорт-лист премии «Национальный бестселлер». Лауреат литературной премии им. Исаака Бабеля и премии журнала «Дружба народов». По сценариям Елены Долгопят сняты четыре полнометражных фильма и сериал «Неопалимая купина».

¹ Ирина Бугримова. На арене и вокруг нее (М.: Искусство, 1990; с изменениями, первое издание — 1986). Александр Буслаев. Записки укротителя львов (М.: Искусство, 1965).

де. Плетни, подсолнухи, солнце, петух кричит. Отец — каменщик, его не бывает дома по полгода, он строит здания и храмы, в хате его ждут жена и семь ребятишек. Отец простудился и умер, мать и сын идут по миру, просят милостыню. В Одессе мать устраивается в богатый дом, сына приходится сдать в приют. Как сироту. Зовут его Александр. Фамилия — Буслаев.

Она, будущая его судьба, родилась в богатом доме. Отец — ветеринар, профессор, работает на кафедре хирургии в Харьковском ветеринарном институте, мать занимается с девочками музыкой, танцами, их учат хорошим манерам. Три сестры — Таня, Наташа и наша героиня Ира. Фамилия — Бугримова. Она — младшая, озорная, ловкая, как мальчишка, любимица отца (он и надеялся, что родится мальчик). Немножко Наташа Ростова.

Можете представить, что мужчина и женщина из двух полярных миров не просто встретятся и полюбят друг друга, но и станут друг для друга всем. Охлаждение, расставание — все это случится. Но без огня охлаждения не бывает, и мы этот огонь увидим, почувствуем его жар.

Во всем виновато время. Первая мировая. Февральская революция. Октябрьская революция. Гражданская война. Привычный мир рухнул. Все пришло в движение.

Ирина увидит Александра в Харькове. Ей нет двадцати, ему — за тридцать. Она красавица, спортсменка. Он мотогощик. Она и увидит его на мотоцикле. Кожаные высокие ботинки на шнуровке. Пиджак. Кепи. Бывший красный конник. Не человек — легенда. Все девчонки с ума сходили. Он страшно ее заинтересовал, но виду она не подала. Все посмеивалась. Она посмеивалась, а он влюбился.

Они разошлись в начале войны, в сорок первом. Продолжали работать вместе до Победы. Затем расстались окончательно. Ирина осталась одна со своими тремя львами, без партнера. Без эффектного номера со львом на мотоцикле. Что ж, она придумала свои эффектные номера. Не сдалась. Не утратила вкус к жизни. Волшебный огонь не погас.

Наш сериал, наша феерия не только о двух людях, не только о союзе, соперничестве и любви. Он еще и о цирке, о его парадной, праздничной стороне и о его изнанке, о том, на чем держится праздник.

Наш сериал, наша феерия о людях вообще. Настоящих, фальшивых, умных, недалеких, добрых, злых, неподкупных. Собственно — о нас с вами.

Мы начнем рассказ не с детства героев и не с их встречи в городе Харькове. Всему свое время, а время идет то вперед, то назад, то по кругу.

Первая серия

Год действия — 1941. Месяц май. Ленинград. Цирк (самый первый каменный цирк в России). Представление.

Мы не видим всего номера. Застаем лишь момент.

На арене лев и дрессировщица Ирина Бугримова. Она подступает ко льву, он сидит на тумбе. Он замахивается на нее лапой. Она хватает его за гриву, встряхивает громадную голову, лев скалит зубы, рычит. Публика волнуется (цирк полон — лица, лица, детские, взрослые). Многие зрители одеты просто, но есть и элегантные. Вот двое таких элегантно одетых, один смотрит на арену, у другого взгляд отсутствующий, он вдруг вынимает блокнот с карандашом, что-то записывает.

Ирина приближает свое лицо к пасти льва.

Вступает барабанная дробь.

Публика замерла, смотрит.

Барабанная дробь.

Товарищ толкает поэта (а это поэт). Он отрывается от блокнота и тоже смотрит. Голова дрессировщицы — голова льва. Впритык! Барабанная дробь.

Глаза дрессировщицы смотрят в глаза зверя. Желтый блеск его глаз, внутри них вспыхивают зеленые огоньки.

Барабан смолкает. Тишина. И — в полной тишине — вскрик... Вскрикивает зритель-ребенок. Мать зажимает мальцу рот ладонью.

Лев опускает голову — склоняет ее перед дрессировщицей.

Зал отчаянно хлопает.

Грохот мотоцикла. Львы гонятся за мотоциклистом (это Александр Буслаев), он летит в клетке по пандусу. Один лев обгоняет, другой вскакивает на заднее сиденье мотоцикла. Грохот двигателя, чад. Вопли зрителей. Лев на мотоцикле, голова зверя над головой человека. Зверь прыгивает.

Влетает второй мотоциклист — Ирина.

Мотоциклисты гоняют по вертикальным стенкам клетки (клетка громадная — во всю арену).

Полная тишина. Гримерка. Ирина смывает, стирает грим, в дверь стучат, спрашивают разрешение, и, получив его, входят два элегантных зрителя. Один из них — человек известный, знаток цирка, умница, образованный (окончил, между прочим, Царскосельский лицей), прекрасный Евгений Михайлович Кузнецов (1900—1958); он — один из создателей (в 1928 году; совместно с Е. П. Гершуни и В. Я. Андреевым) Музея циркового искусства в Ленинграде. Он представляет своего приятеля, писателя и поэта (назовем его Иваном Громовым).

Кузнецов (с поэтом Громовым) приглашает Бугримову и Буслаева в ресторан. Ресторан в гостинице «Европейская».

Вечер в ресторане проходит в высшей степени приятно. Беседуют о Ленинградском цирке. Кузнецов рассказывает о царских ложах, о громадных хрустальных люстрах.

— Той публики, того цирка нет, а запах прежний. Ни с чем не сравнимый запах зверей, опилок, — ими посыпают манеж.

Заходит разговор о кино, Ирина кино обожала, особенно трюки, ее сценический образ (женщина-вамп) родом из старого немого кино. Говорят о львах. Вспоминают оживших каменных львов в «Броненосце „Потемкин“» Эйзенштейна. В основном говорят Ирина и Кузнецов, оба образованные, влюбленные в цирк. Для них аттракцион непременно должен быть художественным. Артист — это не просто маска, это образ. Маска не имеет объема, однообразна, всегда одинакова.

Они говорят, Громов слушает (заинтересованно, он явно покорен Ириной), Буслаев тоже время от времени вставляет слово-другое (точнее, деликатный Кузнецов втягивает его в разговор). На поэта Буслаев смотрит хмуро. Ревнует. Они едва ли не ссорятся за столом.

Ирина и Александр шагают из ресторана ночной (но светлой — белые ночи) улицей, молчат. В этом молчании — отчуждение. Тишина, странный свет, шаги по мостовой. Они проходят мимо каменного льва. Они не видят, как он оживает, поднимается и смотрит им вслед...

Утро, вокзал, погрузка цирка в товарные вагоны, в теплушки, и звери (не только львы, и собаки непременно, обезьяны, попугаи), и реквизит. Люди, уже не нарядные,

в спортивной, в затрапезной одежде. Работают. На арене был праздник, а сейчас мы начинаем видеть, что за ним стоит. И вдруг среди всей этой рабочей суеты появляется вчерашний поэт. В том же элегантном костюме. Некоторое время он наблюдает за происходящим и вдруг скидывает пиджак и бросается помогать, и как-то к месту: это поднять, это затолкать. И Бугримова его видит, и Буслаев.

Погрузка закончена. Люди забираются в свой вагон. Поэт забирается вместе со всеми. Бугримов спрашивает:

— Ты куда?

— Не знаю. Мне все равно. Главное — с вами, — и смотрит на Бугримову.

Поезд трогается.

Что-то будет еще в поездке, какая-то стычка нашего Буслаева с поэтом. Чуть ли не драка. Сублильный паренек знает приемы самбо. Так что драка нешуточная. Но Буслаев сильнее, он хватает поэта, тащит на открытую площадку, заносит над бегущей землей. Разожмет руки, и поэт упадет на полном ходу, верная смерть.

Все притихли замерли, молчат. Ирина подходит близко (без резких движений, спокойно). И говорит очень спокойно, негромко, мягко:

— Саша.

И больше ничего.

Буслаев медлит, поезд летит, под ногами поэта проносится земля. Буслаев возвращает поэта на площадку, отпускает.

Раннее утро. Все спят. Поезд сбавляет ход, идет тихо.

Ирина стоит на площадке — смотрит. Домишки, зеленая трава, светлое утреннее небо, по дороге едет телега, лошадка ее тащит. Буслаев входит, становится рядом с Ириной. Она на него не смотрит, но знает, что он здесь.

— Саша, ты бы правда его бросил?

— Если бы ты сказала бросить — в тот же миг!

Она молчит. Он говорит:

— Прости, я ревновал.

— Я знаю. Но будь честен. Хотя бы сейчас. Ты ревновал не ко мне. К моему успеху. Буслаев молчит.

Поэт видит их на площадке, когда разговор уже закончен, когда они стоят рядом, молчат, смотрят на уходящую вдаль березовую рощу.

На вокзале поэт тихо от всех отстал, ушел на пассажирские платформы, взял билет до Ленинграда, а цирковые хлопотали, занимались разгрузкой, о поэте никто не спохватился. И только попугай вдруг выкрикнул какое-то его словцо его же голосом. Не словцо, а словосочетание: медный купорос. Замена ругательству.

Московский цирк, репетиция. Воздушные гимнасты, клоуны с собачками и без, жонглеры. Ирина любопытна к людям, они ей интересны. Она любит циркачей, легко заводит знакомства. Буслаев тяжелее, мрачнее. Вновь ревнует? К ее легкости, молодости? Ох, какая непростая эта ревность.

А вечером они катаются по Москве на собственной машине «эмке». Они орденосцы, заслуженные люди, у них есть машина. Может, кого-то подвозят. Старушку. Помогают ей с мешком. Мука в мешке. Старушка узнает, что они циркачи (а поначалу думала, что она актриса, а он — летчик).

— Надо же, — говорит, глядя на их машину, — какую зарплату вам там хорошую платят. А жилплощадь у вас? Небось хоромы.

— У нас нет жилплощади, циркачи — народ кочевой, ездим от одного города к другому, где квартиру снимем, где при цирке пристроимся.

— Отпуска хоть бывают?

— Случаются. Вот в этом июне будет большой отпуск. Цирк на лето закроют, а мы отдохнем.

Отпуск. Черное море. Прекрасный санаторий «Гаспра» возле Мисхора. Любовь проснулась. Они точно помолодели. Точно заново друг друга увидели. Он вспоминает (а мы видим) о своем детстве, сиротстве, приюте, о сиротском училище, о музыкальной команде 14-го стрелкового полка... Причина воспоминаний — встреча с мальчиком-сиротой, они его накормили, он уснул у них в номере, пока он спал, позвонили в милицию, мальчик проснулся, его забрали. Он смотрел с упреком. Почти с презрением. Он им поверил...

Под утро 22 июня Ирина просыпается. Какие-то глухие отдаленные удары она слышит.

— Что это?

— В горах, наверное, что-то взрывают. Спи.

Она засыпает. Просыпается одна, в тишине. Выходит из номера. Никого. Пустой коридор, пустые комнаты. Солнце светит. Все кажется странным. Она выходит. Люди во дворе. Стоят, молчат, слушают. Из громкоговорителя говорят о начале войны.

Из санатория не выпускают.

Ирина смотрит из-за ограды на то же самое шоссе, по которому гуляли вечером, гуляли уже в ночной темноте, пели, негромко, слаженно. Сейчас шоссе было битком: беженцы (скарб, дети), военные, техника...

Вторая серия

Одиссея: Ирина и Александр, забыв все недомолвки, добираются из санатория в Москву. Поездами (добыча билетов, толпы, толпы), на попутках, пешком, ночуя где придется.

Москва. Цирк-шапито в Парке культуры. Бомбежки. Рытье окопов.

Ирина спешит к своим к львам (к Каю, Юлию и Цезарю). Давно не виделись, не забыли ее? Как примут? Она к ним входит. Все, кажется, нормально. Ирина разговаривает со львами, расчесывает щеткой. Все прекрасно.

Но на репетиции львы вдруг нервничают (потом выяснится, что во время воздушной тревоги их силой загоняли в передвижную клетку, вот они и стали в ней нервничать). Львы нападают на Бугримову. Сбивают с ног. Кай и Юлий. Цезарь не нападает, нет. Он особенный. Он лучший, умнейший. Он — верный друг Ирины.

И вот здесь, в сцене нападения, мы используем такой прием.

В момент прыжка льва на Ирину все вдруг замирает. Время останавливает. Стоп-кадр. В самый пиковый момент (самый накал) вдруг все останавливается. На стоп-кадре — Ирина на полу, лев завис в воздухе над ней... И вот Ирина. Не та, которая лежит, а какая-то другая, свободная. Эта другая Ирина, она одна перемещается в этом застывшем мире. Заглядывает в глаза льву (зеленый огонек в глубине желтых глаз). Ирина приближается к людям — свидетелям нападения, разглядывает их лица. Видит испуганное лицо помощника Паши Игнатова. Она хочет его успокоить. Но — едва касается плеча, картинка оживает.

Лев падает на Ирину.

Склиф. Операция, сорок восемь швов. Ирина не хочет оставаться в больнице, дает врачам подписку, что берет ответственность на себя. Ее увозят в цирк, устраивают в гардеробную. Ей становится плохо. Приезжает врач, обрабатывает раны.

Мать приходит (была в гостях в Москве, у Ириной сестры Наташи). Приходит Буслаев. Говорит, что львов эвакуируют в глубокий тыл, в Магнитогорск. Он едет со львами.

— А я? Со львами будут Паша с Нюрой. Останься со мной. Ты мне сейчас нужен Ссора. При матери.

Буслаев уезжает со львами. Ирина — одна.

Она лежит в гримерной. Окно открыто. Видно небо...

Третья—четвертая серии

Воспоминания Ирины

Харьков. 1929 год. Ей нет двадцати, ему — за тридцать. Она красавица, спортсменка. Он мотогощик. Она видит его на мотоцикле. Кожаные высокие ботинки на шнуровке. Пиджак. Кепи. Бывший красный конник. Не человек — легенда. Все девчонки с ума сходят.

Он страшно ее заинтересовал, но виду она не подала. Все посмеивалась.

Они пришли в цирк, молодые спортсмены, с идеей нового номера. Сани с человеком в них летят из-под самого купола вертикально вниз. Затем трамплин. Сани подбрасывает в воздух. Приземление на страховочную сетку.

Это первая часть номера — для Ирины.

Во второй части в санях будет Александр. Он — после трамплина — должен перелететь сквозь вращающееся кольцо. На кольце светятся электрические лампы. Огненное кольцо своего рода. Только не для льва — для человека. Для человека на санях.

Сложнейший номер. Все надо рассчитать. Сконструировать (без инженера, без завода не обойтись). Отрепетировать, подогнать. Годы работы!

В цирке их затею поддержали, удалось добыть денег, но денег, конечно, оказалось недостаточно.

Ирина работает на электростанции, Александр — инструктор в Комитете горняков. Все деньги уходят на работу с аттракционом. Обедают в доме родителей Иры. Профессорский дом (отец — профессор-ветеринар, преподает в институте). Фортепиано, фотографии предков, фотография маленькой Ирины на собственном пони. Хорошие манеры. К Александру относятся хорошо, по-доброму, но он все-таки чувствует себя здесь чужим.

Им повезло с инженером-конструктором. Тоже оказался увлеченный человек. Работал сверхурочно по ночам. Следил за научными открытиями. Заинтересовал теорией относительности. А еще — странной серийной музыкой. И странной теорией серийного времени. Оно не совсем необратимо. Можно вернуться назад. Может быть, сказка. Но какая заманчивая!

Денег все-таки решительно не хватает. Ирина — вопреки воле Александра — забирает деньги у ростовщика. Ростовщик — мелкий, подлый, Ирина притягивает его, он не может противиться. Если Ирина проведет с ним ночь, ростовщик простит долг. Такое предложение.

— Хорошо, — говорит Ирина.

Назначает время и место. Они встречаются ночью в городе, и она ведет его за собой. Заводит его в сарай. Успокаивает: я здесь часто ночую.

Сено, одеяла. И он идет за ней. Она запирает дверь. И вот тут как из воздуха появляются три большие собаки (мы их прежде видим в цирке). Они не нападают. Они просто смотрят на него. Лежат и смотрят. Луна светит в слуховое оконце, освещает сцену. Ирина располагается на сеновале, зовет ростовщика. Но едва ростовщик шевелится, собаки поднимаются, скалятся. Ростовщик замирает. Ирина сладко спит. Ростовщик пятится к дверям, но собаки настороже. Подступают, окружают. Со светом Ирина встает и выпускает ростовщика из сарая. И говорит ему насмешливо:

— Я твое условие выполнила, ты провел ночь со мной

Буслаев узнает, откуда появились деньги, приходит в бешенство.

— А если бы он оказался храбрее! А если бы собаки его разорвали? А если бы он тебя?

Ирина вернет ростовщику все деньги, с процентами. Ставка на ипподроме. Скачки. Вот как. Буслаев будет свидетелем ее точного выбора фаворита скачек. В детстве она много времени проводила на ипподроме, стала прекрасной наездницей, разбиралась в лошадях. Да и Буслаев, бывший красный конник, разбирался. Но не в бегах. И знакомые у Ирины на ипподроме остались.

Она любопытна к людям.

В детстве, лет пяти, убежит далеко (тогда жили в усадьбе за городом), встретит цыган и пойдет за цыганами. Петь будет, танцевать. Красавица цыганка подарит девочке колечко. Цыгане приведут ее домой.

Колечко Ирина потеряет во время купания. После долгой ночной работы с уже готовыми саями в цирке (сани пока отправляли в полет не с человеком, а с мешком песка, и мешку этому приходилось и падать, и рваться; все надо было дорабатывать и дорабатывать). После этой ночной работы пошли на реку купаться, плавали наперегонки, колечко соскользнуло. Буслаев нырял, нырял — не нашел! Огорченная Ирина стояла на берегу, смотрела на реку. Вдруг волна плеснула у ног. Река сама вынесла Ирине колечко.

Буслаев спросит, откуда оно у нее, Ирина расскажет.

Впервые свой аттракцион они покажут в Киевском цирке. Молодые, никому не известные артисты. Грандиозный успех. Можно спокойно отшлифовывать номер и годами, годами его представлять, возить по стране. Буслаев не прочь. Но Ирине скучно. Она присматривается к другим артистам. Кадыр Гулям с царственными верблюдами. Воздушные акробаты (дружба с Валентиной Волгиной). Акробаты научили Ирину делать сальто-мортале.

Жонглеры, фокусники, клоуны. Номера с лошадьми. Ирина создает номер «Школа верховой езды». Директор цирка предлагает ей попробовать себя в работе с хищниками. С леопардами.

— Ты будешь одна в клетке. Женщина с хищниками, одна в клетке. Такого еще не было. У тебя получится.

— А Буслаев?

— Буслаев будет помощником. За клеткой.

— За клеткой — значит в тени. На такую роль он не согласится. И я не соглашусь. Будем работать вместе. И не с леопардами. Со львами.

Она рассказывает Буслаеву о своей задумке:

— Я выступаю в клетке со львами, затем появляешься ты, на мотоцикле, гонка со львами, один из них запрыгивает на заднее сиденье, лев-пассажир.

Буслаев загорается. Спрашивает:

— Но почему именно львы?

— В юности мне приснился сон. Как будто я стою в колеснице. Как в Древнем Риме. Колесница запряжена множеством львов. Царственные львы, и я — царица. Я правлю этой колесницей. Я правлю миром.

— А где мы львов добудем?

1939 год. Кузбасс. Гастроли

Маленьких четырехмесячных львят приносят из зверинца.

И вот мы видим, как Ирина их выкармливает, дрессирует. Кай, Юлий и Цезарь — первые питомцы, она их вырастила, воспитала, они — ее дети. Она давала им лекарства, ставила клизмы, приучала к тумбе.

Затем они с Буслаевым приучали льва к мотоциклу. Надо научить его садиться на заднее сиденье, не бояться грохота, чада.

Мы увидим отрепетированный их номер. Выходят оба, он ее представляет (широкий жест рукой). Ирина выступает со львами. Кресло смерти (свет приглушают, зажигают факелы, Ирина садится в кресло, окруженное тремя тумбами, одна за спиной, две — по бокам. Ирина держит в руках куски мяса, кормит львов из рук. А Цезаря — изо рта!

Мотоцикл несется по пандусу. Буслаев за рулем, а за его спиной — лев, громадную голову положил ему на плечо. Мотоцикл ревет, грохочет!

Выстрелы! Они пробуждают Ирину от воспоминаний, возвращают в реальность.

Ирина лежит в гримерной. Окно открыто. Видно небо, лучи прожекторов. Слышны выстрелы.

К Ирине приходит, садится рядом с ней кассир Дора Микеладзе. Прежде она выступала в цирке, женщина-джигит, но после травмы выступать не смогла, и без цирка не смогла, стала работать кассиром. Она пришла, села; протипогозная сумка через плечо.

— Протипогоз с собой носишь?

— Хорошая вещь, — сказала Дора, похлопав по сумке.

— А ты пользоваться им умеешь?

— Конечно.

Дора открывает сумку. Протипогоза в ней нет. Булочка и колбаса — вот что в сумке. Ирина и Дора смеются. Едят колбасу с булкой.

Пятая—шестая серии

Ирина (она уже ходит) встречается с начальником Главного управления цирками Николаем Александровичем Стрельцовым (1906—1970). Просится на фронт. Говорит, что не желает в эвакуацию, в тыл.

— Не разрешаю, — говорит Стрельцов, — поедете в Магнитогорск, будете работать с Буслаевым. Я знаю, что вы расстались. И не заставляю вас жить с ним вместе. Но ваш аттракцион я вам разрушить не дам. По крайней мере, до конца войны. Поймите, Ирина, для победы нужны не только солдаты, снаряды, танки, самолеты. Нужен праздник. Нужна радость. Радость поднимает дух.

Долгая дорога в эшелоне на восток. Вагон битком. Ирина — на третьей багажной полке. Налет. Паника. Ирина спасает женщину с детьми, находит укрытие. Ночью дети не могут уснуть, плачут. Ирина показывает им незамысловатые фокусы. Смотрят, ра-

дуются, успокаиваются не только дети, но и взрослые. В этой долгой дороге Ирина подбирает собачонку (хозяин убит), с ней и прибывает в Магнитогорск.

Встреча со львами. Они беспокоятся, рычат, не подпускают.

Помощник Павел Игнатов (он деревенский, и жена его Нюра деревенская, пред-примчивая, добытчица пропитания для людей и зверей) говорит:

— Ох, да ведь Александр Николаич бил их, как вот они напали тогда на вас в Москве, так и бил.

— Что же ты натворил, — говорит Ирина Буслаеву, который ждал ее, устроил им помещение в гардеробной — две смежные комнаты, повесил даже ее фотографии.

Львы не подчиняются ее команде.

Бургимова решает рискнуть, создать для львов привычную обстановку выступления. Как бы швырнуть их в привычное русло, вернуть к норме. Резко, внезапно. Вмиг. Обо всем договаривается и с осветителями, и с музыкантами, подготавливают арену, клетку, свет. Львов она загоняет в передвижную клетку, они там волнуются, но их быстро перевозят, выпускают в клетку на манеже, тут же вспыхивает прожектор, оркестр вступает с привычной музыкой, Ирина не дает львам опомниться. Командует. На ее стороне сила. Львы подчиняются, отыгрывают программу, становятся собой прежними.

Выступления перед солдатами, ранеными, перед гражданскими. В цирке — со львами; Ирина — на лошадях («Высшая школа верховой езды», красивые номера). В госпиталях Ирина выступает в пантомиме с другими артистами. Выступают и клоуны. На одном из выступлений клоун показывает свои номера: выходит с собачкой, собачка тявкает в микрофон, а клоун говорит:

— Это была речь Гитлера.

Раненые смеются. Только один не смеется. Лицо бледное, серьезное.

Клоун старается. Показывает еще номер. Солдаты смеются (один парнишка прямо заходится в смехе), а тот нет, не смеется.

Несмеющийся солдат (он на костылях) приходит к клоуну (Ирина — свидетель) и благодарит его за выступление. Говорит:

— Мне вот ногу отрезали. Я думал застрелиться. Теперь раздумал.

Он уходит. Клоун плачет. Ирина его обнимает.

Гастроли по Уралу, Сибири, Средней Азии.

1943. Полгода в Ташкенте. Знакомство со знаменитым писателем Алексеем Толстым. Он приходит после их выступления. Говорит: то, что они делают, — настоящее; не надуманное, не фальшивое; именно это настоящее страшно нужно людям. Витамин жизни. Толстому показывают конюшни, клетки со львами. Тут же вертится подобранная Ириной маленькая собачонка; собачонка эта страшно полюбила помощнице Нюре Игнатовой.

Толстой рассказывает историю, как вот такая же маленькая собачка оказалась в клетке со львом, и лев ее не разодрал, они подружились.

— Думаете, так не бывает?

— Бывает, — говорит Буслаев, — и я знаю, почему так бывает. От одиночества. Льву одиноко. Он находит друга.

Ирина (и зритель) вдруг понимает, что и Буслаев страдает, что их разрыв для него — по живому.

Нюра же, услышав, что чья-то пронырливая собачонка пробралась в клетку, хватая свою любимицу и уносит от греха подальше.

Голодно всем, а зверей надо обязательно накормить, и Нюра вертится, заводит знакомства на базаре. Добывает мясо для львов. Мясо припахивает, но другого нет. Нюра вымачивает мясо в марганцовке. Кормит животных. Кормит и свою собачонку. Отравление львов. Один из них, Юлий, любимец Буслаева, погибает. Погибает и Нюрина собачонка.

1944. Москва. Праздничная программа (юбилей советского цирка, 25 лет с 1919-го, когда национализировали). Председатель комиссии старый знакомый — Евгений Михайлович Кузнецов (помните Ленинград, поэта Громова? Евгений Михайлович расскажет о его судьбе). Приезжают люди из разных цирков. Встреча с близкой подругой — воздушной акробаткой Валентиной Волгиной. Номер у нее головокружительный, прыжок из-под купола, затем трапеция. Плохо рассчитают конструкцию, и Валя погибнет, прыгая на трапецию (уточнить), ударится об абажур-плафон. Ее завернут в шубу и повезут на машине в Склиф, Буслаев за рулем, Ирина — с Валей. Операция. Врачи дадут два дня жизни. Муж Вали, Михаил (когда-то они работали в воздухе вместе, но Михаил заболел туберкулезом и стал администратором их номера), умрет через год.

Гастроли на освобожденной Украине. Буслаев выступает перед публикой, говорит на родном украинском языке.

1945. Москва. Они останавливаются в номере гостиницы «Москва». Все удобства, ванная комната. Красная площадь рукой подать.

Победа. Праздничная толпа. Объятия, слезы. Аккордеон. И они в этой толпе.

Салют в ночном небе.

Седьмая—восьмая серии

1946. В августе, в Ростове-на-Дону. Гастроли и — подготовка к предстоящим гастролям в Иране. Костюмы для выступлений и наряды для светских мероприятий им всем доставили из Москвы. (Советские артисты должны прекрасно выглядеть!) Плюс добротные чемоданы. Каждому. Совершенно одинаковые.

На этих гастролях в Ростове-на-Дону Буслаев знакомится с эквилибристкой (ходит по проволоке) Тамарой Николаевной Бутенко (1922—?). Тамара станет его второй женой.

Акробат Константин Аркадьевич Пармакян начинает ухаживает за Ириной. Константин станет ее вторым мужем.

Десять дней в Баку в ожидании парохода «Центросоюз».

Пароход. Море. Черное небо. Звезды. Клетки с животными на палубе. Ветер. Качка. Прибыли в Бендер-Шах. Оттуда в поезде (сидячие места, перегородки) — до Тегерана. Двухэтажная, совершенно пустая гостиница (только для них). Привезли их чемоданы. Все одинаковые. Чтобы найти свой, надо открыть и посмотреть — узнать по содержанию (тут что-то может быть, с этими чемоданами-близнецами...).

Воду пить из крана нельзя: вода арычная, питьевую воду доставляют в кувшинах, и эта вода — шахская.

На вокзал прибыли вагоны со львами. Ирина добирается до вокзала, застаёт у вагона со львами сцену: местные толпятся у вагона (львы рычат внутри) и выпрашива-

ют у Игнатова львиные шерстинки — для талисманов, Игнатов держит клочок львиной шерсти, раздаёт шерстинки за монеты (!). Ирина прекращает это дело.

Нищая и удивительная страна.

Толпы местных ранним утром, оживление, торговля, днем — в жару — город пуст; к вечеру вновь оживает, публика в основном уже европейского типа.

Шапито строят рядом с гостиницей. Представления утренние и вечерние.

Персидский базар — под землей. Там прохладно. Лабиринт переходов. Курильщики опиума. Лавчонка. Камешки драгоценные. Светятся. И огоньки в них. Точно как в глазах льва — зеленые огоньки

7 ноября — в советском посольстве. Банкетный зал. Дипломатический прием. Фейерверк на фоне южного неба.

Разрыв с Буслаевым.

Супруги расходятся и делят совместно нажитое имущество. Ирине остаются три льва. Буслаеву — клетка (это ведь особая клетка, по ее стенкам они гоняли на мотоциклах в конце представления), реквизит, аппаратура, конь Сынок.

Павел Игнатов с женой Ньюрой остаются с Ириной.

Ирина залезает в долги, приобретает лошадь Любочку для «Высшей школы верховой езды». Со львами ей нужно придумать что-то особенное. Яркое, запоминающееся. Ведь теперь эффектного номера с мотоциклом не будет. Ирина одна.

На гастролях в Саратове она бродит по старому городу. В одном из дворов видит качели (доска на прикрепленных к перекладине веревках), девочка раскачивается. Все выше, выше взлетают качели.

Ирина начинает заниматься с молодым львом Таймуром. Спокойный, но суровый, неласковый. Она приучает его садиться на доску качелей (гораздо большую, чем та детская в Саратове). Дает кусочек мяса. Понемногу начинает качели раскачивать, лев пугается и сбегает, но раз за разом качка становится привычной... А затем мы видим их, льва и дрессировщицу, летящими на качелях под куполом цирка. Над клеткой. Над зрителями (зал полон). Громадный лев, а за ним, вплотную к нему, чуть выставив колено, Ирина, она раскачивает качели. Настоящий полет!

1952. Владивосток. Гастроли.

Во Владивостоке живет старшая сестра Ирины — Таня. Ее муж — Евгений Васильевич Бырдин. Оба преподают в институтах. Своих детей нет. Сразу после войны взяли в Хабаровском детдоме мальчика, он умер. Они решили взять в том же детдоме двоих. Но у второго оказалась старшая сестра. Взяли того, что без сестры. Но с полдороги Евгений Васильевич развернул машину. Поехали назад. Взяли и второго мальчика и его сестру.

Так что когда Ирина гостила у сестры, в доме было трое детей: семи, восьми и десяти лет.

С ними жила бабушка Евгения Васильевича, она всем заправляла.

Тут для нас важна именно атмосфера семьи, большого дома. Ирина включается в их жизнь, возится с детьми (как возилась со своими львятами), волнуется за них, учит каким-то гимнастическим трюкам. Дети не хотят ее отпускать.

Из Москвы приходит телеграмма. Ирине Бугримовой дают квартиру. Свою собственную. Впервые в жизни. В новом высотном доме на Котельнической набережной.

Ирина приезжает с гастролей. Ее встречает сестра Наташа. Передает от новой квартиры ключи, документы (она все оформляла по присланной Ириной доверенности). Провожает. Но только до дома. У дома Ирина просит:

— Дальше я сама. Не обижайся.

И вот она подходит к дому. Входит в подъезд. Здоровается с консьержкой, та спрашивает:

— Вы к кому?

— К себе.

Ирина поднимается на лифте на седьмой этаж.

Открывает ключом дверь. Входит в квартиру. Обходит ее. Пустую (без мебели, утвари), гулкую. Заглядывает на кухню. Ставит наконец чемодан (все тот же, «иранский», но уже потрепанный). Открывает кран. Вода идет. Закрывает кран. Опускается на чемодан и рыдает. Вздох, как ребенок.

1981. Декабрь. Москва.

Народ толпится в очередях, двое парней берут на рынке у какого-то мужичка небольшую елку, в магазине — тортик. Молодые, веселые, наглые. Два брата. Младший брат заигрывает в троллейбусе с девушкой, задирает ее парня, чуть не до драки дело. Старший останавливает брата, выволакивает из троллейбуса.

— Дальше пешком. Недалеко, дойдешь, проветришься. Может, вспомнишь, что мы не на гульки с тобой собрались.

Идут. Молчат.

Котельническая набережная. Высотка. Подъезд. Консьержка. Пускать их не хочет. Младший ее весело уговаривает (мы старые друзья, мы сюрприз хотим устроить), а старший молча сует купюру. Червонец. Очень-очень немаленькая по тем временам денежка.

Поднимаются на седьмой этаж. Дверь вскрывают. И оказываются в квартире Бугримовой. О, теперь квартира не пуста. И мебель, и заграничная техника (кассетный магнитофон, телевизор, видеомагнитофон). На стенах — фотографии Бугримовой с ее львами. Сцены из аттракционов. Яркие, притягательные афиши, на разных языках. Но братьев афиши и фотографии не интересуют, братья заталкивают в сумки магнитофоны, переворачивают шкаф, находят шкатулку, а в ней — кольца, подвески, сережки. Камни прозрачные, голубые. А в желтом, прозрачном, вспыхивает зеленый огонек. Братья не торопятся, шофер Бугримовой увез ее на дачу, в поселок Старых Большевиков — они это прекрасно знают.

Дешевое, подаренное когда-то цыганкой колечко грабители не берут, отшвыривают, и оно катится, катится по полу.

Они не торопятся, изучают содержимое холодильника, вынимают водку, жареную курицу. Жрут, пьют. Со снимков смотрят на них львы. Младший замечает взгляд красавца льва — как будто совсем живой взгляд (что-то даже вспыхивает в глазах зверя).

— Чего уставился? — спрашивает льва младший. Срывает фотографию, швыряет в мусорное ведро.

Они беспрепятственно уходят. Консьержка как будто не видит их сумок. Они даже желают ей счастливого Нового года.

Разоренная квартира, милиция. Бугримову просят осмотреться, сказать, что пропало. Она перечисляет.

Когда все наконец уходят, она начинает методично наводить порядок. Выметать грязь, осколки. Фотографию своего льва вынимает из мусорного ведра, из разбитой рамки, расправляет.

— Ну что, Цезарь? Ты защищал меня? Ты сделал, что мог. Не переживай.

Она целует его.

Ирина Николаевна замечает на полу проблеск. Наклоняется и подбирает цыганкино колечко. Надевает на палец.

Она, конечно, постарела. Но все равно прекрасна.

Звонит телефон. Она отвечает:

— Так точно, обокрали. Ну как? Вот так. Ценное? Конечно, ценное. Прекрасно знали, что у меня и где. Конечно, жалко. Там и мамины сережки были, я помню ее в них, так они ей шли, чудо. Уроды. Но самое ценное не унесли. Не нашли. И не могли найти. Никто бы не смог. О чем я? Догадайся.